

УДК 338.2(470)

М. А. ВИНОКУРОВ

*доктор экономических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассмотрены проблемы становления новой модели социально-экономического развития российского общества в контексте глобализационных процессов. Дана характеристика современной модели глобализации, породившей антиглобализм, рост агрессии и международного терроризма. Проанализирована экономическая политика, проводимая Россией на протяжении 25-летнего периода реформ. Показаны результаты проведения модернизации российской экономики, которая, по мнению автора, привела к демодернизации российского экономического потенциала. Обоснована необходимость проведения политики реиндустриализации российской экономики. Определены приоритетные цели, стоящие перед экономикой современной России.

Ключевые слова: глобализация; модернизация; демодернизация; реиндустриализация; новая модель социально-экономического развития; экономическая политика.

М. А. VINOKUROV

*Doctor habil. (Economics), Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

THE NEW ECONOMIC REALITY AND ECONOMIC POLICY OF MODERN RUSSIA

The article reviews the problems of establishing a new model of socio-economic development of the Russian society in the context of globalization processes. The modern model of globalization lead to antiglobalism, growth of international terrorism and aggression is characterized. The economic policy conducted in Russia over the last 25 years is analyzed. The results of modernization of the Russian economy which, according to the author, resulted in demodernization of the Russian economic potential are shown. The necessity of reindustrialization policy of the Russian economy is justified. The priorities for the modern Russian economy are defined.

Keywords: globalization; modernization; demodernization; reindustrialization; a new model of socio-economic development; economic policy.

Новая экономическая реальность, возникшая в конце прошлого и начала текущего столетий, характеризуется глубокими потрясениями, обусловленными множеством таких явлений и процессов, как глобализация, информатизация, гуманизация, экологизация, всеобщая трансформация существующих экономических систем и т. п. Последние годы добавили к этому еще и небывалый системный, интегрированный глобальный кризис, выражающий нестабильность, неустойчивость, турбулентность и противоречивость современного мира.

Глобализация представляет собой невиданный по масштабам многогранный и про-

тиворечивый феномен. С одной стороны, она расширяет горизонты хозяйственного развития, а с другой — усиливает неравномерность распределения богатств и экономической мощи стран. Известно, что от глобализации выигрывают только 30 % государств, не более. В то же время масса людей умирает от голода, нехватки воды, отсутствия медицинской помощи. Ученые предупреждают: в 2025–2035 гг. в мире остро встанет проблема нехватки воды. А это, в свою очередь, усугубит проблему голода.

В условиях глобализации по мере становления новой модели социально-экономического развития происходят качественные

изменения в природе технологий, факторов производства, поведении человека и его экономической жизни. На первый план выходят такие ресурсы, как знания, образование, инновации, информация, культурные ценности. Они становятся ключевыми для прогресса экономики XXI в. Их можно потреблять всеми, бесконечно и без ущерба для самого блага. На смену индустриальным технологиям приходят информационные, на смену индустриальному труду — творческая деятельность. Экономическая рациональность играет все меньшую роль, рациональное поведение модифицируется. Неопределенность, неуверенность становятся важнейшими чертами жизнедеятельности человека. Современный мир, в том числе и Россия, стоят перед супервызовом — имеющиеся типы хозяйственного устройства общества все больше не устраивают человечество, а перспективы развития чрезвычайно туманны. На этот супервызов ответом может быть только новая трансформация экономических систем.

К другим вызовам нового века можно отнести такие сложившиеся в мире к концу XX в. негативные тенденции, как:

- колоссальные нагрузки на экосистемы, вызванные 18-кратным увеличением объема мирового производства и 4-кратным увеличением численности населения. В России за 100 лет (1913–2013) население возросло с 89,9 до 143 млн чел.;

- хищническое использование природных ресурсов; чрезмерный, нерациональный спрос на продовольствие и чистую воду, обусловленные идеалами «общества потребления»;

- деградация окружающей среды;

- нищета народов, растущее неравенство;

- падение нравственности, рост агрессии, терроризм, наркомания, алкоголизм и т. п.

Все угрозы, вызовы, риски обусловлены, по словам директора ИЭ РАН Р. С. Гринберга (и с ним нельзя не согласиться), «новым очень сложным турбулентным периодом эволюции» [5].

Определенную напряженность вызывает тот факт, что экономика развитых стран несамодостаточна с точки зрения ресурсной составляющей. Так, известно, что Япония ввозит 95 % необходимого ей сырья, страны Европы — 80 %, США — 20 % [14]. Мировой уровень добычи нефти достиг своего

максимума, хотя в мире используется лишь одна треть мировых запасов. И этот уровень начал падать. По подсчетам западноевропейских аналитиков, объемы добываемой нефти к 2030 г. сократятся наполовину.

Британский журнал «Гардиан» предсказывает, что в будущем это приведет к войнам и социальным беспорядкам [2], а П. Робертс в газете «Вашингтон Пост» прямо и не без оснований пишет, что мы уже находимся в разгаре войны между теми, у кого есть энергия, и теми, у кого ее не хватает¹.

Но война — это не единственный путь решения существующих проблем и противоречий в условиях глобализации. Возможны также достижения разумных договоренностей при условии конструктивного взаимодействия всех субъектов мирового хозяйства и с учетом происходящего перераспределения экономической мощи в масштабах глобальной экономики.

Обострение на этой основе противоречий между государствами, которые становятся все более опасными в связи с диктатом интересов держав глобального масштаба, находит отражение в двойственности не только политики, экономики, но и морали, идеологии, духовности и т. д. Свидетельством этой двойственности может служить недавняя политика о возможности вмешательства в сирийские события США и ряда других мировых держав.

Современный мир характеризуется появлением новых, ранее неизвестных противоречий. Так, М. Кастельс отмечает возникшее в современных условиях противоречие между «недоразвитостью» человека и «переразвитостью» прогресса, в связи с чем необходимо формирование новой цивилизации, неэкономике как части этой цивилизации [7].

Будущее человечества определяется возможностью преодоления всех противоречий, которые во многом обусловлены «глубинными разрывами» в уровнях оплаты труда в отдельных странах; общем уровне жизни, масштабе и качестве получаемых на душу населения и на народ в целом материальных благ; в размере производственных и непроизводственных фондов, приходящихся на одного человека, уровне производительности труда; темпах роста экономики и населения;

¹ Кризис морали. URL: http://www.vrns.ru/day_theme/index.php?nid=8698amp.

рождаемости, смертности и ежегодного прироста населения.

Сегодня многие согласны с тем, что сила, которую они в свое время считали панацеей от всех бед — а именно современную модель глобализации, не оправдала надежд человечества. Вместо того, чтобы стать непреодолимой силой развития, она уже к началу XXI в., по сравнению с 1960 г., увеличила разрыв между богатейшими и беднейшими странами более чем вдвое [10, с. 52–53], что послужило основанием для порождения антиглобализма, роста агрессии и международного терроризма на планете Земля.

Следующим вызовом современному миру можно считать небывалую скорость перемен. В этих условиях слова Ч. Дарвина о том, что «выживают не самые сильные и не самые умные, а наиболее быстро адаптирующиеся к переменам», чрезвычайно актуальны. Сейчас не «крупный» побеждает среднего и малого в конкуренции, а быстрый — медлительного. Сегодня очень важно быстро и правильно реагировать на сокращающийся цикл жизни продуктов, услуг, знаний, идей.

Динамичность и возросшая скорость перемен, недостаточная изученность кардинальных потрясений определяют трудности предсказуемости развития мира. Достоверное предсказание многих явлений оказалось за пределами возможности экономической науки.

Известно, что для практики нет ничего лучше хорошей теории, ибо именно теория определяет поведение человека, фирмы, домохозяйства и государства в хозяйственной жизни общества, что находит отражение в их экономической политике. «Идеи экономистов и политических деятелей, — писал Дж. М. Кейнс, — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они правят миром» [9, с. 517]. В нынешних условиях идеи, заложенные в экономическую политику в меньшей мере определяют социально-экономическое развитие того или иного государства.

С самых ранних дней существования экономической науки и до сих пор экономическая политика является центром непрекращающихся дебатов не только между различными экономическими школами, но и широкой общественностью. Не вступая в дискуссию, определимся, что под госу-

дарственной экономической политикой мы понимаем целенаправленную систему мероприятий государства в области общественного производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ [6, с. 42].

Государственная экономическая политика призвана отражать интересы общества, отдельных его групп, фирм, домохозяйств и граждан в развитии и укреплении национальной экономики. Она является инструментом государственного регулирования экономики в целях стабилизации и приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям. Осуществление ее целей и задач может привести к изменению хозяйственной системы в целом, ее совершенствованию или разрушению. В свою очередь, серьезные изменения хозяйственной системы и, следовательно, формирование новой модели социально-экономического развития общества вызывают глубокие изменения в экономической политике. Об этом свидетельствует и 25-летний опыт проведения так называемой «перестройки» экономики сначала СССР, а затем РФ. Он характеризуется лихорадочной сменой идей эволюционного развития страны.

В основе реформы, объявленной М. С. Горбачевым, лежала идея совершенствования модели социализма, реализация которой натолкнулась на некомпетентность партийных структур, заскорузлость идеологических подходов, в результате возникла сильная оппозиция и реформа завершилась распадом СССР. Сегодня утверждается, что народ не воспрепятствовал разрушению страны и последующей за этим приватизации его имущества потому, что большинство народа желало этого. В действительности на проведенных референдумах народ выразил свою волю абсолютным большинством и однозначно высказался за сохранение союзного государства и против его разрушения. Но вопреки этому политики проигнорировали волю народа, аргументируя свое решение катастрофическим разрушением потребительского рынка в стране, выразившимся в дефиците продовольствия, потребительских промышленных товаров, введении карточной системы. Этот факт объясняется тем, что экономика страны была деформирована гипертрофированным развитием военно-про-

мышленного комплекса. Тяжелые потери в Великой отечественной войне явились уроком для советского руководства, а напряжение, вызванное «холодной войной» со стороны Запада, побуждало к заботе об обороноспособности в приоритетном порядке. Изменение такой политики, однако, не требовало разрушения государственного устройства.

Среди экономических причин развала СССР часто называют застой в советской экономике или научно-техническое отставание страны от развитых мировых держав. Это не подтверждается статистическими данными (табл. 1).

Данные табл. 1 свидетельствуют не столько об отсутствии экономического роста в СССР, сколько о снижении темпов экономического роста¹, обусловленные рядом трудностей: очень низкие цены на нефть, большие военные расходы, ослабление экономических стимулов, торможение научно-технического прогресса в ряде отраслей и т. д.

Из научно-технического отставания есть два выхода, в том числе и для стран, переходящих от плановой экономики к рыночной: мобилизация ресурсов (в том числе и политических) для преодоления данного отставания, либо использование данного факта отставания для разрушения экономики и государства с целями, далекими от научно-технического прогресса. Первым путем пошел Китай, вторым — Россия.

Следующие преобразования осуществлялись «демократами» с использованием идеи превосходства либеральной рыночной системы хозяйства на основе частной собственности. Эти реформы привели к разрухе в целом национальной экономики. За годы правления в Российской Федерации Б. Н. Ельцина (с 10 июня 1991 г. по 31 де-

кабря 1999 г.) территория страны сократилась на 23,7 %; население уменьшилось на 10 млн чел.; детей стало меньше на 5 млн чел.; 3 млн детей не стали ходить в школу; 5 млн живут на улице; в 48 раз увеличилась детская смертность от наркотиков; в 3 раза снизился объем промышленной продукции; в 13 раз сократился бюджет страны; в 20 раз увеличилось количество бедных; в 14 раз стало больше организованных преступных группировок. К концу этого периода возникло понимание того, что «невидимая рука рынка не может полностью заменить видимую руку государства» (Р. Гринберг [5]), на Западе провозглашается теория «второго рождения государства» (Дж. Стиглиц [13]).

Первое десятилетие XXI в. (2000–2010 гг.) в России характеризуется продолжением политики реформирования российской экономики, но уже по пути к формированию развитого цивилизованного рынка, становлению новой модели экономики.

Наметились некоторые успехи: рост промышленности, рост реальных доходов населения, особенно пенсионеров, прожиточного минимума, рождаемости населения и т. д. Несмотря на глобальный кризис, удалось сохранить кредитно-банковскую систему, избежать нового падения уровня жизни населения, несколько сдержать рост безработицы. И все же, по словам Д. А. Медведева, у нас прошел этап эйфории по поводу рыночной экономики, а еще ранее — по поводу чрезмерного вмешательства государства в экономику. Возникшую в это время политическую власть Е. Гайдар назвал «мягким авторитаризмом» [3, с. 437].

Новая модель социально-экономического развития (НМСЭР) предполагает такие глубокие изменения, как:

– структурный сдвиг в сторону науки, инноваций как непосредственной производительной силы и сферы услуг в производстве;

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста основных экономических показателей за периоды с 1961 по 1986 гг., %

Показатель	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986
Валовой общественный продукт	6,5	7,4	6,3	4,2	3,6	4,3
Продукция промышленности	8,6	8,5	7,4	4,4	3,7	4,9
Валовая продукция сельского хозяйства	2,2	3,9	2,5	1,7	1,0	5,3
Производительность общественного труда	6,1	6,8	4,5	3,3	3,1	3,8

Источник: Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 51.

- выход на первый план научной информации и духовных благ;
- становление всеобщего значения научного труда и творческой деятельности;
- признание приоритетности социально-духовных потребностей (в образовании, культуре, творчестве, здоровой окружающей среде и т. п.);
- главенство стимулов самореализации личности;
- снижение роли «вещных» форм собственности и возрастание роли интеллектуальной собственности;
- возрастание качества жизни в целом: создание нового механизма организации экономики и управления ею на основе баланса (равновесия) социального государства, рынка (бизнеса) с новой идеологией и гражданским обществом.

Сложившаяся сырьевая модель функционирования российской экономики не могла создать условия для быстрого становления НМСЭР. Она была возможна только при использовании инновационного пути развития и связанной с ним системной модернизацией. Модернизация экономики — это процесс изменения экономики соответственно требованиям современности путем внедрения различного рода усовершенствований, достижений прогрессивных сдвигов в экономическом развитии. Экономическая политика этого периода становится уже более конкретизированной, хотя и сохраняется множество общих и нерешенных вопросов.

Системная модернизация как понятие, относящееся к социально-экономической системе, более сложное по сравнению с понятием модернизации технических систем. Оно охватывает основные уровни экономики (от мега- до наноуровня); основные типы локальных экономических систем: объекты, проекты, процессы, среды; ментальную, культурную, институциональную, когнитивную, имущественную, имитационную, историческую. Такая модернизация должна быть направлена на обеспечение возможности самостоятельного развития с сохранением территориальных параметров и внутри-странового разнообразия.

От системной модернизации следует отличать такие виды модернизации, как технологическая, политическая, социальная, нравственная и др. Особую роль в структуре

системной модернизации экономики России играет микроэкономическая модернизация, ядром которой является модернизация российских предприятий. Обновление производственных фондов, реформирование структуры управления, существенная трансформация внутрифирменной культуры являются первоочередными задачами модернизации предприятий.

Модернизация структуры экономики России требует увеличения доли годовой продукции с высокой добавленной стоимостью с 60 до 80 %, сокращения доли топлива, сырья и полуфабрикатов в структуре экспорта с 85 до 40 % при одновременном росте доли готовой продукции и услуг до 60 %. Предполагается увеличение удельного веса экономики знаний (науки, образования, здравоохранения, информационных и биотехнологий) в структуре валового внутреннего продукта с 15 до 40 %. Инновационное развитие страны должно стать главным источником экономического роста российской экономики.

Только при таком сценарии возможно существенное повышение конкурентоспособности экономики России (сейчас она по этому показателю занимает 51-е место в мире) и вхождение ее в когорту наиболее развитых стран мира.

Мировая экономика, по мнению академика В. Н. Красильникова, потеряла свою главную составляющую, исток, опору — труд. Никакие накопления, никакая прибыль сегодня не зависят от реального труда. Они зависят от кредитов, налогов, процентов и т. д., но не от труда.

Последние два десятилетия радикального реформирования, как справедливо отмечал член-корреспондент Российской академии наук (РАН) директор института экономики РАН Р. С. Гринберг, ничего не дали для модернизации отечественной экономики. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала, 20-летний технологический простой — одна из тяжелейших для России потерь и с экономической, и с социальной точек зрения за все годы реформ. По существу, произошла демодернизация российского экономического потенциала, что привело к заметному росту сырьевой доли экономики и продолжению ее примитивизации.

В настоящее время уже перестала быть модной мысль, что модернизация российской экономики наступит сама по себе после активизации рыночных сил саморегулирования. Теперь предлагается новый подход.

Опыт двух десятилетий либеральных реформ в России, по мнению академика С. Ю. Глазьева [4], показал, что в этот период страна лишилась большей части некогда второго в мире научно-технического потенциала и самоустранилась с мирового рынка высокотехнологичной продукции, что в основе экономического развития и роста лежат не «схоластические модели рыночного равновесия», а научно-технический прогресс.

Современная российская экономика характеризуется ухудшением условий накопления капитала при одновременном нарастании технологического отставания, что никак не соответствует возможностям осуществления научно-технического прогресса. Если в 1980-х гг. доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений, составляла около 2/3, то в 2002 г. — лишь 9,8 %, в то время как в развитых странах — 70 %. К настоящему времени инновационная деятельность в РФ снизилась до 1 %.

Академик В. В. Ивантер подчеркивает, что низкий темп экономического роста и чудовищная бедность населения, низкий уровень оплаты труда делают модернизацию невозможной¹.

По статистическим данным, средняя заработная плата по России достигла почти 30 тыс. р. в 2013 г. Реально, по расчетам В. Симчеры, она в 2 раза меньше и составляет 14–15 тыс. р. на человека (если исключить из общей величины зарплат по России многомиллионные «зарплаты» олигархов и других самых богатых слоев населения, дивиденды иностранных бенефициаров, плюс доходы работников, полученных в результате интенсивного труда и переработок, а также ряд других позиций). По данным Росстата, инфляция в 2013 г. составила 6,5 % — это в 4 раза выше, чем в переполненных фиктивными деньгами США и почти в 3 раза выше, чем в Европе. Причем индекс потребительских цен по кругу товаров, которые покупают бедные слои общества, составляет не 6,5, а 18 %; для среднего класса

12–15 %, а для зажиточного класса — 9–10 % [12]. Лауреаты Нобелевской премии П. Кругман и Дж. Стиглиц доказали, что высокие показатели социального неравенства не только вредят экономическому росту, но и закупоривают его.

Несмотря на разговоры о модернизации, к сожалению, промышленного бума в стране не наблюдается [8]. Тот факт, что экономика России в основном находится в четвертом технологическом укладе с элементами пятого в отличие от современных стран-лидеров, которые приходят к шестому технологическому укладу, не способствует быстрому развитию экономики.

Таблица 2

**Динамика восстановления
промышленного производства
(1991 г. = 100%)**

Показатель	1998	2008	2009	2012	2015 (про- гноз)
ВВП	60,5	117,8	108,6	122,1	138,2
Промышленность в целом	48,2	85,4	77,5	90,0	101,3
В том числе добыча полезных ископаемых	167,2	105,6	104,9	112,0	113,6
обрабатывающие производства	40,7	82,9	70,3	87,1	101,4

Составлено по данные Росстата, Минэкономразвития России, Минфина России, Банка России.

Судя по данным табл. 2, существенная особенность теперешней российской экономики состоит в том, что еще не произошло восстановление промышленного научно-технологического потенциала, больше чем наполовину разрушенного в ходе системного кризиса 1990-х гг. Переход же экономики на инновационный путь развития требует не просто развитой, а обновленной промышленной базы с современным машино- и станкостроением. Для решения этой проблемы нужна активная промышленная политика, получившая название реиндустриализация.

Комплексная систематическая промышленная политика направлена на восстановление новой технологической основы тех производств, утрата которых ведет к глубокому отставанию от развитых стран, закреплению зависимости от них в индустриально-технологическом развитии, и определяет содержание современного процесса реиндустриализации экономики страны.

¹ URL : <http://www.veorus.ru/sezd-245-2010.html>.

Проблема реиндустриализации не нова. В мире имеется достаточный международный опыт. Но для России специфика реиндустриализации заключается не просто в восстановлении промышленности, а именно в восстановлении на новой технологической основе ведущих секторов экономики — это, во-первых. А во-вторых, в проектировании и развертывании именно внутренних индустриально-технологических производств, создающих готовую продукцию промышленного и потребительского назначения. Необходимость самодостаточности многих отраслей для России (даже если чисто экономически было бы выгоднее использовать возможности международного разделения труда) обусловлена спецификой ее геополитического положения. Утрата Россией статуса одного из глобальных лидеров мировой экономики неизбежно ставит под вопрос само существование России в ее современных границах. Об этом писали в XIX в., нельзя игнорировать эту угрозу и сейчас. Политическая карта мира быстро меняется. Зб. Бжезинский, анализируя положение ведущих держав современного мира, к коим относит США, Евросоюз, Китай, Индию, Россию и Японию, подчеркивал: «Впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества... ведущим державам еще только предстоит разработать современные пути решения новых растущих угроз экологических, климатических, социологических, продовольственных, демографических, идеологических и т. д.» [1].

Несмотря на огромные потери в научно-техническом и технологическом потенциале, к счастью, у России еще сохранилась возможность для проведения реиндустриализации — базисного условия инновационного развития страны. Известно, что из 50–55 макротехнологий, составляющих основу пятого технологического уклада, Россия имеет 17, в том числе ядерные, космические, некоторые сегменты нано- и биотехнологий, нефте-газодобыче и переработке, химическом, энергетическом, транспортном машиностроении и др. На возможность осуществления масштабной реиндустриализации в условиях разрушенной машиностроительной базы указывает помимо собственного опыта индустриализации 30-х гг. опыт Японии

и ФРГ — 50-е гг., Китая — 80–90-е гг. прошлого столетия.

Интересно, что в США процесс деиндустриализации (вывод промышленности в развивающиеся страны, что способствовало обвальному сокращению занятости в промышленности), начавшийся в 60-е гг. XX в., привел экономику США к кризису. Общая занятость в стране увеличилась в среднем на 1,4 % в год, а в промышленности сократилась: в сталелитейной на 6,1 % работников, металлообработке — 4,5 %, автомобилестроении и производстве оборудования — 1,5 %, швейной и текстильной — почти на 2 млн рабочих мест. Сейчас в американской индустрии занято 12 млн чел., при общей численности занятых около 143 млн чел. В начале XXI столетия США превратились в рекордсмена деиндустриализации, уступая по этому показателю лишь Гонконгу. Нынешняя тенденция развития американской экономики направлена на возвращение США традиционной роли в мировой экономике — роли активного экспортера товаров и промышленного гиганта [11].

Содержание политики реиндустриализации российской экономики определяют следующие ее приоритетные цели:

- создание ядра саморазвития — набора импортно независимых производств, обладающих способностью производить орудия труда, позволяющие создавать технологически совершенное оборудование для ключевых с точки зрения безопасности отраслей;

- создание импортно замещающих средств машиностроительного производства, которые относятся к технологиям двойного назначения и наиболее востребованы стратегическими организациями машиностроительного и оборонно-промышленного комплексов; развитие собственного производства без расчета на импортные поставки; обеспечение более значительного роста доли отечественного станкостроения на внутреннем рынке;

- повышение качества кадровой политики в промышленности как государства, так и корпораций: расширение возможностей путем восстановления системы довузовской и послевузовской подготовки и переподготовки, повышения квалификации кадров; преодоление грандиозного оттока специалистов из промышленности (только

в машиностроении число занятых сократилось за время реформ с 9 652 тыс. чел. в 1990 г. до 851 тыс. чел. в 2012 г., т. е. почти на 90 %), старение кадров; увеличение «незаполняемости» вакансий в условиях острого кадрового голода и одновременного высвобождения избыточной рабочей силы с временным кризисом и реиндустриализацией производства; создание новой системы сбалансированности интересов государства, работодателей и работников в реиндустриализации и в области подготовки необходимых для инновационной деятельности кадров (известно, что в России крупные компании вдвое меньше вкладывают средства в обучение кадров, чем в странах ЕС);

– выявление и преодоление недостатков в организационных механизмах реиндустриализации, обострившихся противоречий в промышленной политике и возникшей «структурно-институциональной ловушки». Суть последней сводится к тому, что экономика не смогла эффективно реагировать на расширение внутреннего спроса за счет увеличения инвестиционной активности. К недостаткам можно отнести постоянную смену приоритетных направлений диверсификации промышленного потенциала страны; плохую подготовку к вступлению в ВТО, которое усиливает конкурентные вызовы для отечественных производителей, но не открывает больших дополнительных возможностей для роста их конкурентоспособности; невысокий уровень российских институтов государственного управления из-за превалирования разрешительных функций над созидательными;

– тщательное обоснование использования накопленных финансовых ресурсов. К ним относятся Резервный фонд, Фонд национального благосостояния, золотовалютные резервы, резервы Агентства по страхованию вкладов, Пенсионный фонд. Все финансовые резервы в настоящее время составляют 20 трлн р., что в 3–4 раза больше, чем было направлено на преодоление кризиса 2009 г., дальнейшее накопление

финансовых резервов нецелесообразно. Финансовые резервы предназначены для преодоления последствий кризиса, они не защищают от него, а лишь смягчают его последствия. Для решения этой задачи к концу 2015 г. их должно быть максимум 3,5 трлн р. или 4 % ВВП. Действительная же защита от кризиса — это модернизация экономики ее своевременным магистральным направлением — реиндустриализацией. Таким образом, превышение максимума финансовых резервов можно было бы направить на решение этих насущных проблем.

Другим источником финансовых средств для достижения поставленной цели может служить сохранение дефицита бюджета. В 2013 г. он составлял 2,3–2,5 % ВВП России, в 2014 г. — 1,0–1,1 %; в 2015 г. — 0,8 %. Такой дефицит позволит увеличить расходы бюджета на 900–1100 млрд р. ежегодно. Это значительно меньше, чем риски технологического отставания обветшавшей промышленности, массовой бедности, жилищного голода, на преодоление которых в стране не хватает денег.

Отказ от реиндустриализации современными неолибералами зачастую обосновывается становлением новой модели социально-экономического развития экономики и задачей вхождения России в постиндустриальную стадию. Между тем постиндустриальное общество не отрицает ни сохранение рыночного механизма, ни существование традиционных отраслей промышленности, оснащенных новой современной техникой и технологиями. Неслучайно в США, объявленных научной общественностью постиндустриальной страной, сегодня политика деиндустриализации сменилась новой тенденцией — восстановлением внутреннего промышленного производства, ранее вытесненного в развивающиеся страны. Этим самым США вернут себе пошатнувшуюся традиционную роль активного экспортера товаров и промышленного гиганта. Россия не должна игнорировать этот опыт.

Список использованной литературы

1. Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис: пер. с англ. / Зб. Бжезинский. — М. : Астрель, 2012. — 285 с.
2. Васильчук Е. На запах нефти / Е. Васильчук, А. Чичкин // Российская газета. — 2008. — 23 окт.
3. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Россмэн, 2007. — 448 с.

4. Глазьев С. Ю. Либеральные реформы в России: правда и вымысел / С. Ю. Глазьев. — М. : ГУ ВШЭ, 2006. — 28 с.
5. Гринберг Р. С. Риски и шансы российской экономики / Р. С. Гринберг // Эконом. — 2013. — № 1. — С. 40–47.
6. Журавлева Г. П. Экономическая теория и политика рыночной системы хозяйствования / Г. П. Журавлева, В.В. Смагина. — М. : Финансы и статистика, 2008. — 640 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
8. Катаносов В. Управлять экономикой должны патриоты / В. Катаносов // Литературная газета. — 2013. — 27 нояб. — 3 дек. — С. 3.
9. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс // Избранные произведения. — М. : Экономика, 1993. — 544 с.
10. Мартин Г. П. Западная глобализация: атака на процветание и демократию: пер с нем. / Г. П. Мартин, Х. Шуман. — М. : Альпина, 2001. — 335 с.
11. Пожидаев Е. Реиндустриализация США — возвращение гиганта / Е. Пожидаев. — URL : <http://www.regnum.ru/news/polit/1628364.html>.
12. Симчера В. Статистическая погрешность / В. Симчера // Аргументы недели. — 2014. — 16 янв. — С. 3.
13. Стиглиц Дж. Б. Экономика государственного сектора: пер. с англ. / Дж. Б. Стиглиц. — М.: Изд-во МГУ : ИНФРА-М, 1997. — 720 с.
14. Тенденции развития современной экономической науки // Вестник Российской академии наук. — 2007. — Т. 11, № 1. — С. 7.

References

1. Brzezinski Zb. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. N.Y., Basic Books, 2012. 224 p. (Russ. ed.: Bzhezinskiy Zb. *Strategicheskiy vzglyad. Amerika i globalnyy krizis*. Moscow, Astrel Publ., 2012. 285 p.)
2. Vasil'chuk E., Chichkin A. On the crude oil smell. *Rossiyskaya gazeta — The Russian Newspaper*. 2008. Oct. 23 (in Russian).
3. Gaydar E. T. *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [Fall of the Empire. Lessons for Modern Russia]. 2nd ed. Moscow, Rossmen Publ., 2007. 448 p.
4. Glaz'ev S. Yu. *Liberalnye reformy v Rossii: pravda i vymysel* [Liberal reforms in Russia: the truth and fiction]. Moscow, GU VShE Publ., 2006. 28 p.
5. Grinberg R. S. Risks and Opportunities of the Russian economy. *Ekonom — Ekonom*, 2013, no. 1, pp. 40–47 (in Russian).
6. Zhuravleva G. P., Smagina V. V. *Ekonomicheskaya teoriya i politika rynochnoy sistemy khozyaystvovaniya* [Economic theory and the policy of market management system]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2008. 640 p.
7. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. 556 p. (Russ. ed.: Kastels M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura*. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 608 p.).
8. Katanosov V. Patriots must run the economy. *Literaturnaya gazeta — The Literary Newspaper*, 2013, Nov. 27 — Dec. 3, pp. 3 (in Russian).
9. Keynes J. M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Dryden Press, 1936. 403 p. (Russ. ed.: Keynes Dzh. M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg*. Moscow, Economics Publ., 1993. 544 p.)
10. Martin G. P., Shuman Kh. *Zapadnaya globalizatsiya: ataka na protsvetanie i demokratiyu* [Western globalization: an attack on prosperity and democracy]. Moscow, Alpina Publ., 2001. 335 p.
11. Pozhidaev E. *Reindustrializatsiya SShA — vozvrashchenie giganta* [Reindustrialization of the USA — a return of the giant]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1628364.html>.
12. Simchera V. Statistical uncertainty. *Argumenty nedeli — Arguments of the week*, 2014, Jan. 16., pp. 3 (in Russian).
13. Stiglitz J. E. *Economics of the Public Sector*. London, New York, W. W. Norton & Company, 1988. (Russ. ed.: Stiglits Dzh. B. *Ekonomika gosudarstvennogo sektora*. Moscow, Moscow State University Publ., INFRA-M Publ., 1997. 720 p.)
14. Trends in modern economics development. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk — The Herald of Russian Academy of Sciences*, 2007, vol. 11, no. 1, pp. 7 (in Russian).

Информация об авторе

Винокуров Михаил Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@isea.ru.

Author

Vinokurov Mikhail Alekseevich — Doctor habil. (Economics), Professor, Rector, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: rector@isea.ru.